**Studying Global Pentecostalism: Theories and Methods / Eds. Allan Anderson, Michael Bergunder, André Droogers, and Cornelius Van der Laan. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2010. — 310 p.**

В целом море недавних научных публикаций в области изучения пятидесятничества и харизматических движений эта книга выделяется как действительно уникальная по охвату материала и его концептуальному осмыслению. Редакторы и авторы поставили себе целью оценить нынешнее состояние этой области исследований в контексте новейших подходов в различных академических дисциплинах. Это не просто собрание сведений о том, что было сделано в этой области за последние десять-двадцать лет, но серьезная попытка сверить конкретные эмпирические исследования с общим состоянием теории и методов в гуманитарных и общественных науках. Поэтому задача книги, действительно, недвусмысленно амбициозна.

Книга стала результатом долгосрочного проекта под названием European Research Network on Global Pentecostalism (GloPent; website: http://www.glopent.net /), начатого в 2004 году тремя исследовательскими институтами: Центром изучения пятидесятничества и харизматического движения при Бирмингемском университете (Centre for Pentecostal and Charismatic Studies at the University of Birmingham), представленным Аланом Андерсоном; Центром Холленвегера при Амстердамском свободном университете (Hollenweger Center at the Vrije Universiteit Amsterdam), представленным Андре Дрогерсом и Корнелиусом ван дер Ланом; и Отделением истории

религий и миссионерских исследований богословского факультета Гейдельбергского университета, которое представлено Михаэлем Бергундером.

Участники проекта и авторы представляют несколько дисциплин: историю, культурологию (cultural studies), гендерные исследования, психологию, социологию, антропологию и теологию. Идея состояла в том, чтобы соединить эти перспективы таким образом, который позволил бы перейти от мультидисциплинарного рассмотрения пятидесятнического / харизматического христианства к рассмотрению междисциплинарному. На мой взгляд, авторам удалось продвинуться в этом направлении. Об этом свидетельствует, в частности, то, что все авторы, обозначая достижения и лакуны в своей собственной дисциплине, обращаются к другим дисциплинам, стараясь понять, как можно было бы подход «своей» дисциплины включить в более широкие рамки. Я бы выделил в этом смысле очень интересные соображения Джоэла Роббинса о том, каков мог бы быть вклад



антропологии, т. е. что именно могла антропология раскрыть опираясь на ее специфические подходы и методов. Однако такого рода размышления присутствуют и у других авторов, в том числе и во введении Алана Андерсона.

Проект амбициозен и в другом отношении: среди авторов книги — как инсайдеры, так и аутсайдеры, то есть и ученые- пятидесятники, и те, кто пятидесятниками не являются. Это сознательная позиция, которая проблематизирует саму суть споров о научной эпистемологии,

академической объективности и субъективности. Профессиональная установка в академической среде состоит в том, чтобы быть «объективным» настолько, насколько это возможно; в то же время в последние десятилетия новая академическая чувствительность сделала невозможными претензии на обладание совершенной нейтральностью. В данном конкретном случае невозможно игнорировать растущее количество исследований, осуществленных учеными, в основном теологами, которые сами принадлежат к пятидесятническим церквам. Эти исследователи обладают некоторой инсайдерской интуицией, которая может скорректировать и обогатить общее видение рассматриваемого феномена. Как пишет Андерсон во введении, «внешний исследователь-агностик может рассматривать типично пятидесятническую практику чи-



сто функционально, не более как еще один религиозный элемент современного глобального смешения, упуская при этом какие-то специфические черты, без учета которых анализ будет неполон» (p. 6).

Излишне говорить, что и аутсайдеры, в свою очередь, обладают особыми преимуществами: они сохраняют свободу от некоторых крайних суждений и оценок, встречающихся у инсайдеров. Например, аутсайдеры могут критично подходить к руководству пятидесятников, которое инсайдеры порой описывают почти в агиографическом благоговении; или они могут дистанцироваться от новой моды доводить реабилитацию пятидесятничества до уровня его романтической идеализации.

Таким образом, объединение усилий одних и других

служит более ясному пониманию целого. Но сам факт присутствие инсайдеров и аутсайдеров среди авторов книги требует от каждого из них методологической рефлексии; можно сказать, они вынуждены отвечать на принципиальный эпистемологический вызов, с которым сталкиваются как нейтральные академические ученые, так и вовлеченные («ангажированные») авторы: как соединить эмический и этический подходы (emic and etic), взгляд изнутри и взгляд извне? Это относится к выбору источников, к способам интерпретации этих источников, к



учету существующих публичных и академических пристрастий и стереотипов, и ко многим другим аспектам. Книга разделена на три части: (1) Междисциплинарные перспективы; (2) Социальные и гуманитарные науки; и (3) Теология. Первая часть открывается текстом Алана Андерсона, который посвящен центральной теме «многообразия, таксономии и определения», то есть попытке разобраться с пугающим разнообразием пятидесятническо-харизматического христианства и страшной неразберихой периодов, «волн», «направлений» и «сект». Андерсон не пытается дать жесткого определения, но ссылается на витгенштейновский принцип «семейного сходства» (Familienähnlichkeit): «Описывая и определяя что-либо, — пишет Андерсон, — нужно оставлять „размытые края“, так чтобы неточное определение все же могло иметь смысл» (с. 15). Далее Андерсон последовательно рассматривает несколько подходов к таксономии пятидесятничества, предлагая весьма подробный и поучительный анализ. Он начинает с

«типологического подхода» (основанного на «опыте Святого Духа» как ключевом тропе), затем останавливается на подходе социальных наук, переходит к историческому подходу и завершает обзор подходом теологическим. Каждый из этих подходов по-своему полезен для понимания феномена в целом. В заключении

он замечает, что «для мультидисциплинарного изучения глобального пятидесятничества нужна широкая таксономия, которая бы использовала аналогию „семейного сходства“; это позволит учесть и все его исторические связи, и его теологические и социологические аспекты» (p. 27).

Далее следует не менее глубокий анализ Андре Дрогерса, касающийся «эссенциалистского и нормативного» подходов к пятидесятничеству. Дрогерс пишет: «Быть может, более чем другие дисциплины, религиоведение в целом в силу своей специфики склонно к таким подходам [то есть нормативному и эссенциалистскому. — А. А.]. И изучение пятидесятничества не является исключением. Некоторые его крайне специфичные черты особо к этому располагают» (p. 31). С этим же связана дилемма эмического / этического (взгляда изнутри и взгляда извне). Дрогерс пишет о необходимости идти узким путем «между Сциллой и Харибдой позитивистского и конструктивистского решения проблемы субъективности» (p. 42). Насколько острой является эта проблема в случае исследования пятидесятничества, хорошо видно из истории религиозных и академических нормативных споров, сопровождающих изучение пятидесятничества.

Глава Михаэля Бергундера посвящена тому, как на изучение пятидесятничества повлиял «культурный

поворот» в гуманитарных науках. Эта глава представляет собой хороший пример того, как постструктуралистская эпистемология помогает увидеть этот феномен как дискурс или серию дискурсов, связанных как с религией, так и с наукой. Бергундер показывает, в частности, насколько такой дискурсивный подход позволяет понять пятидесятнически-харизматическое христианство не в «классических» терминах «деноминации» или даже «религиозной традиции», а как некую «сетевую структуру». Он также деконструирует пятидесятничество в направлении де-вестернизации, делая особый акцент на постколониальных, подчиненных _____(subaltern) представлениях об источниках всего явления, его практик и идеологии (я вернусь к этому акценту ниже).
Элизабет Бруско обращается к пятидесятничеству в контексте гендерных исследований, касаясь диспропорции в нем между преобладанием женщин и непреложностью мужского лидерства, и предлагает анализ соответствующей проблематики, опираясь на опыт собственных полевых исследований в Колумбии, где она изучала и сравнивала нарративы женщин и мужчин. Гендерный аспект рассматривается и в главе Генри Гурена, посвященной центральному феномену евангелической культуры — обращению (conversion). Автор опирается на свои полевые исследования в Центральной Америке

(Гватемала и Никарагуа). Его главная идея состоит в том,

чтобы рассматривать обращение не как одноразовый радикальный переворот (по образу обращения апостола Павла «на пути в Дамаск»), а как conversion carrier — длительный процесс, зависящий от многих переменных личного, социального, институционального плана.

Биргит Майер в своей главе рассматривает пятидесятничество с точки зрения глобализации; она основывается на конкретном материале, собранном _____в Гане (Африка), но ставит проблемы теоретического порядка: насколько верны классические, восходящие к Максу Веберу, представления о связи между протестантизмом и капитализмом — и всей секулярной современной перспективой — в виду новых фактов, указывающих на религиозное «заколдовывание» (re-enchantment) глобального мира позднего модерна? Далее Майер объясняет историю успеха пятидесятничества в терминах «глокализации» — его уникальной «способности помещать локальное в рамки более масштабных представлений. В этом смысле пятидесятничество все время пребывает в процессе становления, оно является движением и действием (performance), а не сложившейся религиозной системой, опирающейся на застывшие структуры» (p. 121). (Это видение корреспондирует с тем представлением о «сетевой структуре», о котором в своей



главе говорил Бергундер; см. выше). Другой важный акцент Майер делает на том, что она называет материальностью и вещественностью (*materiality and tangibility*) пятидесятников (p. 127) — их стремлении к телесному опыту и ориентацией на потребление, что

прямо противоположно стереотипному представлению о классическом протестантском посюстороннем аскетизме и самодостаточной духовности.

Четыре последующих главы, составляющих вторую часть книги, посвящены подходам, соответствующим различным дисциплинам: психологии, антропологии, социологии и истории (Стефан и Одило Хубер, Джоэл Роббинс, Стивен Хант и Корнелиус ван дер Лан соответственно). Каждый подход имеет собственные преимущества и дополняет наше общее представление о пятидесятничестве. В психологии авторы различают экзогенные и эндогенные подходы: первый опирается на общие посылки нынешних психологических теорий, второй сфокусирован на психологической динамике внутри пятидесятников (и групп и индивидов). В антропологии выделяются три пункта: пятидесятничество как культурный процесс (показывается, «как пятидесятничество с его акцентом на разрыве влияет на культурный процесс, вводя новую динамику культурных изменений» — p. 173); пятидесятничество как проживаемая религия



(lived religion); и соотношение феномена пятидесятничества с *modernity*. Социология религии продолжает рассматривать классический вопрос о modernity (здесь исходный контрапункт — вклад Дэвида Мартина как в изучение пятидесятничества, так и в теорию секуляризации). Социологический подход также позволяет пересмотреть фундаментальный вопрос о демографии и социальном составе пятидесятничества; задуматься об обоснованности «теории депривации» как способа объяснения беспре-

цедентного роста пятидесятничества; рассмотреть возможность понимания пятидесятничества как «нового религиозного движения»; провести объединенный анализ «ривайвелизма» и «рутинизации» как ключевых социальных механизмов, действующих внутри религиоз-ных сообществ и проч.

Ван дер Лан, представляющий «исторический подход», ссылается на свой опыт изучения ранних голландских пятидесятников и их миссии в Лицзяне (Китай) в 1920-х годах, однако он высказывает несколько более общих соображений относительно того, как следует заново интерпретировать имеющиеся исторические источники. Он продвигает один из сильных тезисов рассматриваемой книги в целом: необходимость деамериканизировать и в целом де-вестернизировать глобальную историю пятидесятничества. Он пишет: «Пока



наша история будет зависеть от опубликованных писем, отчетов и периодических изданий западных агентств и их миссионеров, наше понимание останется сильно искаженным. Такие документы и тексты были написаны с расчетом на западное восприятие — с целью получения поддержки для работы миссий» (p. 210). Ван дер Лан делает вывод, что рост пятидесятничества следует объяснять, исходя из местных мотивов и локального духовного и социокультурного поиска.

Кстати, создается впечатление, что таково общее убеждение участников этого сборника и всего проекта GloPent: в том же духе предложенные в других главах книги теории «сетевой структуры», «множественности

источников» и «контекстуализации» обращают внимание на, так сказать, экс-центрическое содержание всего феномена, т. е. отсутствие единого центра. Возможно неслучайно, что GloPent, как европейский проект, скептически относится к представлению о североамериканском генезисе пятидесятничества. Поскольку большинство авторов занимаются исследованиями в разных частях незападного мира (Латинская Америка, Африка и Азия), они склонны именно к де-вестернизации — причем, это, конечно, не только эмпирическая, но также и методологическая, эпистемологическая де-вестернизация. Во всяком случае, фактом является то, что ныне феномен пятидесятнически-



харизматического христианства принадлежит «миру большинства», то есть незападному миру, «глобальному Югу».

Редакторы пригласили богословов-пятидесятников, тексты которых составили третью часть книги. Четыре главы посвящены четырем богословским дисциплинам: пневматологии, миссиологии, практической теологии и экуменизму (авторами являются соответственно Вели-Матти Кэркяйнен, Амос Йонг и Тони Ричи, Марк Картледж и Сесил Робек- мл.). Создается впечатление, что эти главы не совсем интегрированы в книгу; тем не менее таково было сознательное решение редакторов: дать голос ученым- пятидесятникам и дополнить книгу богословием, которое, между прочим, обычно считается маргинальным для подчеркнуто опытного характера пятидесятничества. Авторы третьей части не отрицают этого тезиса о центральном значении личного опыта для всех евангеликов; и

все же обращение к теологии позволяет учитывать то, что обычно игнорируется. Джоэл Роббинс в своей главе, написанной в антропологической перспективе, говорил о необходимости знать теологию пятидесятников — категориальную и интеллектуальную рамку «популярных (устных) теологий», которые изучают исследователи-эмпирики. Теология пятидесятников, ранее по большей части маргинальная и «не-академическая», в последние

десятилетия стала более зрелой; в ней содержится, по крайней мере, часть тех основных идей, которые характерны для феномена глобального пятидесятничества. Более того, в теологических построениях мы можем обнаружить важные изменения, касающиеся истории восприятия и самовосприятия (самоидентификации) пятидесятников в разных религиозных и секулярных контекстах по всему миру.

В целом (за исключением одного досадного упущения — отсутствия анализа растущего политического влияния пятидесятничества) рассматриваемая книга глубоко раскрывает все главные темы, освещает теоретические и концептуальные аспекты наиболее актуальных дискуссий, имевших место в последние десятилетия. Широта и глубина делают эту книгу поистине вехой в научном изучении пятидесятничества.

*А. Агаджанян*

—